

Беспартийный большевик

Трудиться ради одной идеи, положить свою жизнь для достижения цели — сегодня это оценивается как чудачество, но век назад вызывало скорее уважение, чем удивление. Можно предположить, что таких людей воспитывало революционное время начала XX

века, хотя не обязательно они служили идее торжества мировой революции. Александр Федорович Котс (1880—1964) посвятил свою жизнь созданию и развитию знаменитого Дарвиновского музея в Москве. Идеям «профессора-общественника» А.Ф. Котса несказанно повезло — они пришлись ко времени и во многом удовлетворили идеологические потребности советской власти в области биологической науки, ведь дарвинизм — «подлинно научное мировоззрение» — всегда пользовался поддержкой и классиков, и эпигонов марксизма-ленинизма.

Первые два тома собрания сочинений А.Ф.Котса, заботливо изданные Государственным Дарвиновским музеем, посвящены специфике музейного дела («Массовый музей и массовый зритель») и истории создания музея. Эти работы публикуются впервые. Научное и музееведческое наследие А.Ф. велико, многие опубликованные материалы А.Ф.Котса и Н.Н.Ладыгиной-Котс размещены в pdf- и html-форматах в Сети (<http://kohts.com>). Ожидается издание еще нескольких томов сочинений А.Ф.

Во втором томе, с которого я рекомендую начинать чтение, представлена биография А.Ф. на фоне ранней истории Музея. Издание дополнено работами А.Ф. о задачах и проблемах, вставших перед Музеем в послевоенные годы.

...Подобно многим представителям тогдашней революционной интеллигенции, молодой Александр Котс ценил красоту идей выше красоты природы. В юношеские годы он только дважды участвовал в больших зоологических экспедициях. Все его помыслы были обращены к музею нового типа, музею идеологическому, который позднее получил название Дарвиновского. Две большие зарубежные поездки показали полное отсутствие аналогичных музеев в Европе. Идея и структура будущего музея были тщательно продуманы, об этом подробно и трогательно-наивно написано в обоих изданных томах сочинений А.Ф. Все немалые заработки от преподавательской

и коммерческой деятельности А.Ф. в дореволюционные годы были направлены на сбор и покупку зоологических экспонатов. Едва ли создание музея было возможно без помощи друзей-единомышленников — увлеченной наукой и только наукой жены, Н.Н.Ладыгиной-Котс, таксидермиста В.Е.Федулова; чуть позже к ним присоединился художник-анималист В.А.Ватагин.

В 1913 году Московские Высшие женские курсы (позднее Московский государственный педагогический институт им. В.И.Ленина, ныне Московский педагогический государственный университет) предоставили для «музея эволюционной истории» небольшое помещение на Девичьем Поле (в районе Новодевичьего монастыря), в котором он и размещался, а в последние годы из-за постоянного роста числа экспонатов, точнее было бы сказать, ютился. Формально датой создания Музея считается 1907 год, когда молодой преподаватель Александр Котс перенес свои коллекции в зоологический кабинет Высших курсов.

Бюст Рудольфа Штейнера работы В.А.Ватагина. На фото слева направо: А.Ф.Котс, Н.Н.Ладыгина-Котс, М.В.Сабашникова-Волошина, В.А.Ватагин. До 1917 г. (Из архива В.Селицкого)

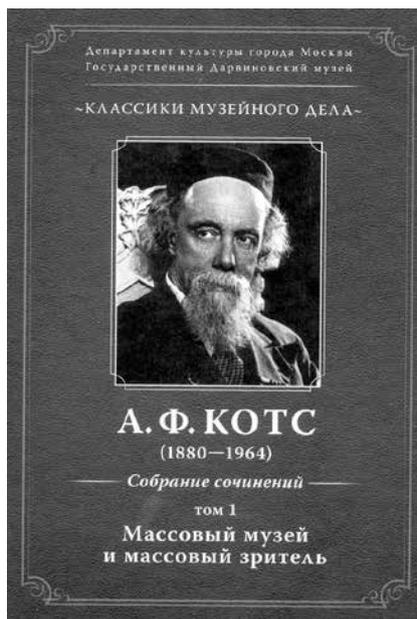
Между тем Музей был ориентирован именно на массового посетителя и, конечно, нуждался в более просторном помещении. А.Ф. красочно и подробно описывает свои хождения по инстанциям как при царском режиме, так и при советской власти — в поисках средств для расширения Музея. К сожалению, все старания закончились ничем — богачи-промышленники отказали в помощи в предреволюционные годы, а советская бюрократия, несмотря на поддержку высшего партийного руководства, загубила проекты нового здания Музея гораздо позднее, уже в 1950—1960 годы. (Впрочем, в книге 1913 года Котс сердечно благодарит графиню С.В.Панину за финансовую помощь.)

Но Музей работал и развивался. Через него проходил огромный поток экскурсантов, особенно в советские годы.

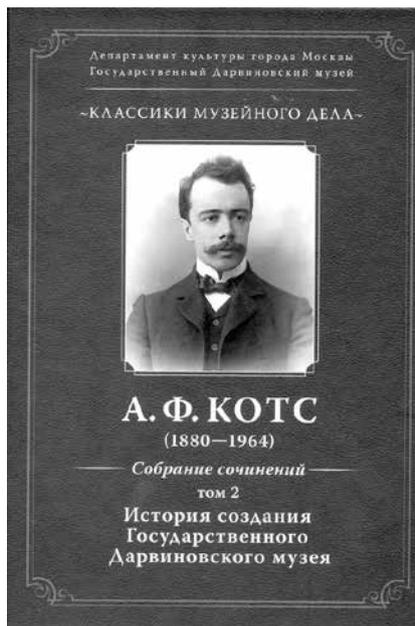
Множество экскурсий и выездных лекций провел лично А.Ф. И это несмотря на то, что идея дарвинизма не столь интересна и очевидна для широких масс, как, например, история революции, собрание картин Третьяковской галереи или мемориальные дома-усадыбы Л.Н. Толстого и других великих писателей. По количеству посетителей и экскурсантов в советское время относительно небольшой Музей был вполне сравним с другими московскими музеями.

Вот характерные заглавия разделов первого тома: «О музеях, как лабораториях по изучению культмассовой работы», «Кто такой массовый зритель», «Что такое массовый музейный экспонат?», «Вещь — этикетка. Слово — образ». Выделено несколько типов музеев, в первую очередь учебные и научно-исследовательские. Одна из главнейших задач новых музеев массового типа — «приобщение к научным знаниям... обязательно в живой, манящей, увлекательной общепонятной форме, без снижения научности даваемых сведений». Это касается как экскурсионной деятельности, так и улучшения экспонатов и этикеток для удобства одиночных посетителей. Ориентация на знатоков-любителей не свойственна массовому музею. Массовый посетитель не хочет скучать и уставать в музее, желает осмотреть его в один прием, мало или ничего не знает по тематике музея, воспринимает экспонаты в меру их эмоционального воздействия. Поэтому для соответствующего музея важны лаконичность и стройная логика экспозиции, эстетизм (то есть внешняя художественность формы), борьба на два фронта — с академизмом и с вулгаризацией науки. «Создание подлинных музеев — дело личного призвания и творческого пафоса их основателей» — эти слова стопроцентно относятся и к самому А.Ф.Котсу! Увы, едва ли все его теоретико-музеологические построения были применимы к ютящемуся в тесноте Дарвиновскому музею послевоенного времени...

Тексты первого тома, написанные в 1950-е годы, несомненно, опередили свое время. Жаль, что они не увидели свет при жизни автора. Хотя, надо признать, прежний массовый посетитель музеев ныне почти исчез. Нет характерных для советского периода экскурсий слушателей курсов ОГПУ, школы служебного собаководства, рабочих пушно-мехового холодильника с семьями и т. д. и т. п. Судя по всему, «массовыми» остались только школьники. А.Ф.Котс настаивал на факультативности, необязательности музея нового типа. Однако у меня закрадываются сомнения в «спонтанности» прихода школьников в музей, особенно группами. Учитель или районное управление образования решили — и дети пошли. Часть текстов переключается с ранней книги А.Ф. «Пути и цели эволюционного учения

Котс А.Ф. Собрание сочинений. Том 1. Массовый музей и массовый зритель. М.: Государственный Дарвиновский музей. 2013.

Котс А.Ф. Собрание сочинений. Том 2. История создания Государственного Дарвиновского музея. М.: Государственный Дарвиновский музей. 2014.

в отражении биологических музеев», выпущенной в 1913 году.

По соображениям самоцензуры А.Ф.Котс не указывает, что в дореволюционное время его Музей был посвящен не только Дарвину, но и Гете. А эволюционное учение Гете (см. рецензию на его научные труды в № 11 «Химии и жизни» за 2014 год) неотделимо от антропософии (фактически запрещенной в сталинские времена) и фигуры Рудольфа Штейнера, лекции которого А.Ф. слушал в 1913 году, и даже получил от него фотографию с дарственной надписью. Позднее, уже

КНИГИ

в 1920-е годы, он назвал своего сына Рудольфом. В.А.Ватагин изготовил бюст Штейнера и два больших панно, «Лемурия» и «Атлантида», отражающих «альтернативную» историю жизни на Земле; похоже, все это было уничтожено позднее, уже в советское время, при окончательном переходе «в дарвинизм». Впрочем, по неподтвержденным сведениям, остатки этих необычных панно хранились в старом здании музея еще в 1970-е годы... Согласно еще одной версии, все эти работы были переатрибутированы и благополучно сохранились в запасниках под новыми названиями.

Все тексты А.Ф.Котса написаны превосходным языком. Редакторы-составители позаботились о богатом иллюстративном материале — в основном это фотографии из архива Музея. Тексты тщательно вычитаны, количество ошибок и опечаток минимально. Остается только пожалеть о полном отсутствии справочного аппарата, столь необходимого для мемориально-исторических книг, и почти полном отсутствии сносок и комментариев. Не помешал бы и именной указатель, особенно во втором томе. Тираж в 500 экземпляров также совершенно недостаточен для широкого распространения этого во многих отношениях замечательного издания, тем более что оно отсутствует в книжных магазинах.

В середине 1970-х годов, будучи школьником, я посетил почти все московские музеи. А вот с Дарвиновским вышла неудача — мы с дедушкой поехали туда, но музей оказался закрыт (авария водопровода или теплосети? перегрузка экспонатами?). Второй раз мы туда так и не собрались... Так что старый музей, увы, остался мне неизвестным. А тридцать лет спустя я со своими детьми неоднократно и с большим удовольствием посещал новое здание Музея, очевидно построенное по идеям, заложенным А.Ф.Котсом... Но, если честно, мне кажется, что в новом музее москвичей и гостей столицы привлекает его легендарность и замечательная, более чем вековая, история. И это совсем неплохая замена былой дарвинистической идеи.

К.Г. Михайлов,
Зоологический музей МГУ